

«Нашедший Меня»
«Qui me invenerit»

8 сентября 1458
Рождество Девы Марии
Брюнек

1. «Нашедший Меня найдёт жизнь и почерпнёт спасение от Господа»¹ (Притч. 8 и из чтения последования мессы²)

Соломон, говоря о Премудрости, что Она предшествовала всему сотворённому, доказывает это тем, что всё было сотворено через Неё. Он была *прежде* всего, следовательно она вечна³. Однако Саму Её он называет «зачатой»⁴.

Зачатие (conceptio) здесь я понимаю в том смысле, в каком интеллект «зачинает» (concipit), т.е. рождает из себя, внутреннее слово⁵. Представим, что некто впервые изобрёл число и им исчислил все вещи. Такое число было бы «зачатием» разума, или интеллекта (rationis seu intellectus). Как то, что раньше всего исчислимого, оно не было бы ничем из исчислимого; тем самым не было бы ни временем, ни возрастом, ни веком, ни длительностью, ни субстанцией, ни количеством, ни чем бы то ни было из всего исчислимого. Начало исчислимого – ничто из всего исчислимого, т.е. из того, что им самим начато.

Исчислять значит рассуждать или разумевать (ratiocinari). Всё «хорошо» становящееся становится через Разум⁶. Соломон так и говорит здесь: Бог *сотворил всё Разумом, или Премудростью*. Вес (или взвешивание), измерение, определение, упорядочение, размещение - всё, что, как мы из опыта тварных вещей знаем, предшествовало расположению Вселенной⁷, ещё *прежде* того было «зачато» в Разуме.

И когда все вещи вышли к бытию, единственный закон расставил их: тяжёлые - возле центра, лёгкие - по окружности, средние – в середине. В Разуме тяжёлые вещи пребывали без тяжести, лёгкие – без лёгкости, и все были [там] ничем другим, как Разумом. Но выйдя из Него путём сотворения и став творениями,

¹ Притч. 8,35 (Вульг.), ср.синод.: «кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа»

² чтение праздника: Притч. 8, 22-35

³ Притч. 8, 22-31

⁴ «зачатая» («concepta») - Притч. 8, 24 (Вульг.): «Nondum erant abyssi, et ego iam concepta eram»; ср.синод.: «Я родилась, когда еще не существовали бездны»

⁵ «внутреннее слово» («verbum internum») как понятие-зачатие («conceptio») порождающего ума – см.: Августин, «О Троице» XIV, 7 (10); Бонавентура. «Возвращение наук к теологии», 16; также: «О равенстве»²³; CLXXXVII, 12; CCXXV, 4; CCXXVI, 7; CCXXXIX, 7; CCLVIII, 17

⁶ «Omnia quae bene fiunt, per rationem fiunt» – имеется в виду Быт. 1, 3-4: «fiat lux et facta est lux, et videt, quod esset bona»; «разум» (ratio) здесь – божественный Логос, «через Него всё начало быть».

⁷ ср.: Прем. 11, 21

одни из них стали чувственно воспринимаемыми, другие – умными, третьи – живыми, и т.д., поскольку так потребовал Разум. Представим человека, как он содержится в простом понятии [«зачатию»] разума рисовальщика: в этом понятии нога присутствует не как нога, а рука – не как рука, но все [части] суть один простой разум. Рисуя, рисовальщик имеет образцом это бессмертное понятие, но тем не менее теперь разум требует, чтобы голова имела свою отдельную форму, а нога – свою, и так с каждой [частью]. Чтобы рисунок вышел *хорошо*, он должен быть сделан разумом, чтобы премудрость и разум в совершенстве владеющего искусством рисовальщика хорошо просвечивали сразу как в целом образе, так и в каждой его части. Таким образом, Премудрость, или Разум, есть то, *без чего ничто не начало быть*, и в чём все вещи суть сама *жизнь*⁸; в этом Разуме время есть вечность и, говоря коротко, творение есть Творец⁹.

Всякую вещь поддерживает в её ипостасном стоянии то же, что и вывело её в бытие. Отсюда очевидно, что всё *хорошо* стоящее имеет опору своей ипостасности в Разуме. Это вполне ясно у Соломона: хранящие государство *советы мудрецов* и благое правление благость свою имеют ни от чего другого, как от разума¹⁰, а что уклоняется от разума, то идёт в погибель. Следовательно, *жизнь*, т.е. длительную устойчивость, всему *доставляет Премудрость*¹¹.

2. Среди всего, что только ни есть в чувственно воспринимаемом мире тварного, один лишь человек способен вместить истинную премудрость. Животные живут множеством потребных для выживания умений. Чтобы выжить, они охотятся; однако охота их не идёт дальше чувственной жизни, ради которой она и устроена. Человек же ведёт двоякого рода охоту: одну животную [или «душевную»], другую – интеллектуальную. Он охотится и чтобы жить животной жизнью, и чтобы наслаждаться (т.е. жить, ибо движение жизни – в наслаждении) жизнью интеллектуальной. Мы знаем это из опыта нашего (как хорошо сказано у Аристотеля) «природного желания знать» - из того, что смотрим не только ради необходимой для выживания добычи, но и «чтобы знать различия вещей»¹².

Созерцателям известно, сколько наслаждения в обретении истины. По Соломону, Премудрость *наслаждается быть с сынами человеческими*¹³. Всё сотворено ради того, чтобы прославился Творец, поэтому Премудрости *наслаждение быть с сынами человеческими* - с ними Она делается узнаваема и прославляема.

Обрести Премудрость значит, следовательно, обрести цель; это - счастье, жизнь вечная, обретение всемогущего искусства, искусства бессмертной жизни (как

⁸ Ин. 1, 3-4 с именно такой разбивкой: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть. Что начало быть, в Нем было жизнь...»

⁹ ср.: «Берилл» XV, 16

¹⁰ Притч. 8, 12-21

¹¹ ср.: Еккл. 7, 13

¹² Аристотель, «Метафизика» I, 1 980a21-27

¹³ Притч. 8, 31

если бы кто-то из смертных овладел искусством добывать бессмертную жизнь и радость). Хорошо сказано у Соломона: *«Нашедший Меня найдёт жизнь и почерпнёт спасение от Господа»*. Её, стало быть, найти можно, но только если искать именно так - как [ищут] жизнь. А если так не искать, то Она и не отыщется как жизнь. Это удивительно: как [Её] ищут, так [Её] и находят! Если веришь, что без Неё тебе не выжить и что скорее захочешь умереть, чем остаться без Неё (как человек скорее захочет умереть, чем лишиться разума или стать камнем), то тогда станешь принимать все советы по Её отысканию, хранить все заповеди, даже если они покажутся труднейшими, воздерживаться от всякой нечистоты и лукавства (ты ведь знаешь, что *«в лукавую душу не войдёт Премудрость»*¹⁴) и строжайше соблюдать все евангельские правила, соблюдение которых обещает вселение Премудрости.

3. Но Кто Тот *Господь*, о Котором сказано у Соломона в словах темы (*«и почерпнёт спасение от Господа»*)? – Конечно же, Тот, Кто является Спасителем; и зовётся этот *Господь* Иисусом: спасает *Иисус-Спаситель*¹⁵; от Него *черпает спасение* тот, кто ищет спасения в Премудрости, ибо Он есть Воплощённая (или вочеловеченная) Премудрость, Которою *Бог и веки сотворил*¹⁶. Сын Бога Отца Иисус владеет тем же всемогущим творческим искусством, что и Отец. Искусство рождается от интеллекта. У Отца-интеллекта в вечности была Премудрость, или творческое искусство, и Он во времени творческим искусством сотворил Человека-Иисуса, призвав Его к тому же самому искусству. Все люди уподобительно причастны творческому искусству и только один Иисус владеет самим этим искусством. Этот данный Ему Отцом дар *«больше всех»*¹⁷, ибо [дан] не частью, не мерой, но в полноте, чтобы всё, *что увидит Отца творящим, [Сын] смог сделать и Сам*¹⁸. Как плотский отец рождает сына природным путём, наделяя его вместе с тем той же природой родителя, так Бог Отец сотворил Иисуса, наделив Его вместе с тем тем же искусством Творца. Как Отец оживляет, кого захочет, так и Сыну дал способность оживлять, кого Сын захочет. И поскольку Он пришёл, чтобы научить нас пути к стяжанию Духа Своего, *Духа премудрости*¹⁹ и бессмертия, то и мы должны *черпать спасение* от Него как от *Господа спасения*²⁰.

С другой стороны, мы читаем эти слова применительно к Приснодеве: *кто найдёт Её* так – как Мать Спасителя – *тот найдёт* в Ней *жизнь и почерпает спасение от Господа* Иисуса-Спасителя, Её вовеки благословенного Сына.

4. Выше говорилось о том, что человек способен вместить доставляющую бессмертие Премудрость. В связи с этим ты, возможно, захочешь узнать, как можно убедиться в этом на опыте? - Отвечаю: многими способами. Твой дух

¹⁴ Прем. 1, 4

¹⁵ имеется в виду значение имени «Иисус»: «Спаситель»

¹⁶ Евр. 1, 2

¹⁷ Ин. 10, 29 (Вульг.): «Что Отец Мой дал Мне, то больше всех» (синод. «Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех»)

¹⁸ Ин. 5, 19

¹⁹ Прем. 1, 6; 7, 7

²⁰ Пс. 37, 23 (Вульг., цсл)

свободен и не принуждён следовать делам природы и плоти. Животное тело стремится к тому же, к чему и прочие животные - к пище, сладострастию и проч. Дух [же многое из этого] запрещает, [как] потому что дела плоти часто противоречат [предписываемой] религией или обычаями чистоте и [против них требуются] умерщвление плоти и пост, [так] и в силу постыдности [некоторых] животных действий (например, [стыдно] помочиться на глазах у всех, [стыдно] предаваться сладострастию и проч.) Потому разум и запрещает человеку следовать животному началу.

Кроме того, способность духа к премудрости даёт о себе знать в нашем опыте того, как дух, которому отвратительны нечистота и грех, тянется к вещам нетленным и схватывает их. Мы видим это на примере искусств: дух ведь схватывает бессмертное искусство: [искусство] вычисления, преподаваемое ему арифметикой, и измерения - в геометрии; то же и обо всех [искусствах]. Причём он не смог бы этого сделать, не будь у него души, способной обратиться от тленных частных опытов к универсальному смыслу (*rationem*) этих частных и тем самым овладеть искусством²¹.

Способность обратиться к универсальному смыслу частных есть признак того, что душа не привязана к тленным телесным органам (каковы суть органы чувств) и поэтому способна к науке, к искусствам, к мудрости, которые отделены от тленных частных. Отсюда душа, поскольку не зависит от тела, с гибелью тела не погибает, как погибает зрение с повреждением глаза, к которому привязано (впрочем, способность зрения в душе остаётся, т.е. если восстановить глаз, то видеть она сможет [снова]).

5. Из опыта мы знаем, что воображение выше ощущения, потому что воображаем мы - «даже и в отсутствие вещи»²² - тоньше, чем ощущаем. Однако и воображение часто ошибается относительно истины, например, когда в нашем воображении антиподы падают. Поэтому есть способность ещё более тонкая, которая поправляет воображение – разум (*ratio*), утверждающий, что падать в данном случае означало бы для тяжёлого возноситься, и на этом основании заключающий, что они не в большей степени падают, чем мы возносимся²³. Но и дискурсивный разум тоже часто ошибается - и тогда его ошибки поправляет интеллектуальное видение (как это разъяснено в книжке «О берилле»²⁴). И поскольку у нашей души есть око, которым она смотрит на начало, предшествующее всякой противоположности и - как следствие - всякому тлению, то тем самым и сама душа тоже нетленна. Тленное постигаемо тленным оком, сложное – сложным, материальное – материальным, и [вообще] подобное – подобным, отчего и нетленное видимо нетленным [оком], простое – простым, нематериальное – нематериальным. Отсюда выведешь: интеллект прост и нетленен потому, что видит простое и никаким способом деления не делимое

²¹ ср. «*experientia est cognitio singularium, ars vero universalium*» («*Auctoritates Aristotelis*» I, 6; Аристотель, «*Метафизика*» I, 1 981 a15-16)

²² «*etiam re absente*» - выражение из Альберта Великого, «*О душе*» III tr.1 cap.2

²³ ср. «*Конъектуры*» II, 14, 141

²⁴ см. «*Берилл*» I, 1

первое начало творений, а в нём – также и всё, что может быть начато, при том что само оно – ничто из начатого (о чём – там же²⁵).

6. Кроме того, посредством усвоения веры душа, по учению Спасителя, смотрит и за пределы интеллектуальной природы, и это – последнее и самое высокое, до чего способен дотянуться интеллект. Как раз чудеса и свидетельствуют, что интеллект при посредстве веры сохраняет дееспособность в отношении всего вероятного, пока не выходит за его пределы²⁶.

7. Тем самым по размышлению легко понять, что интеллект не есть ощущение, ведь мы ощущаем многое о чём не мыслим, и наоборот (причём способны мыслить и с закрытыми глазами, и ничего не слыша).

Итак, душа ощущает, поскольку связана с телом, по сущности же своей, как она есть сама по себе, т.е. отдельно от животворения вот этого тела, она, до некоторой степени свободная (*absoluta*) от частной стяжённости, смотрит в стяжённом на его универсальные начала и [следовательно] способна вместить Премудрость и бессмертную жизнь.

8. Глядя на познавательную силу ощущений (которая, хоть и зависит от обессилевшего органа, тем не менее, сама, будучи силой [не органа, а] души, бессильной [от этого] не делается, потому что по восстановлению органа ощущает, как и прежде, без того, чтобы способность, или сила, ощущения была сотворена заново), интеллект видит, что и с силой воображения происходит то же самое - связанное с менее чутким органом воображение разумной души тоже более тускло, а когда орган не в состоянии ощущать, человек даже временно теряет память, но потом восстанавливается, потому что сила воспоминания в разумной душе остаётся (хотя действие и прерывается, потому что без соответствующего органа осуществить его она не может, как не может писец писать без пера). Точно так же, когда лишается силы орган, прекращается и действие рассуждающей силы, но сама она остаётся в интеллекте. И поэтому, поскольку интеллект в своём видении, когда смотрит на умопостигаемые [вещи], органами ощущений не пользуется (а пользуется ими только тогда, когда смотрит на чувственно воспринимаемые или - равным образом - на воображаемые [предметы], поскольку и они относятся к чувственной природе, а также при дискурсивном движении рассудка, поскольку такое движение связывает лишь то, что почерпнуто из ощущений - во всём этом интеллект пользуется более или менее тонкими и пригодными к употреблению органами ощущений, тогда как в видении умопостигаемых вещей, которых ничем ощутимым не обозначить в силу превосходящей простоты и нестягиваемости их абсолютной природы, он пользуется не каким-либо из органов ощущений, но только своей сообразной природе умопостигаемого простотой), то следовательно эта зрительная сила интеллекта не оскудевает. Поскольку она не зависит от органов, ничто не может воспрепятствовать её ежесекундной свободе видеть. Это как если бы глаз и зрительная сила души были одним и тем

²⁵ «Берилл» XXXIII, 33-34

²⁶ ср. Пс. 92, 5 (Вульг.): «Testimonia tua credibilia facta sunt nimis»

же, т.е. самой душой – тогда зрение никогда не ослабевало бы ни из-за старения, ни из-за нерасположенности [той или иной] части тела.

9. Ещё обрати внимание на то, как интеллект смотрит на рассуждения (rationes) и судит, какое рассуждение истинно и какое доказывает бессмертие, а какое - нет. Замечая, как одно рассуждение ближе подступает к постижению бессмертия, чем другое, и как в одном бессмертие отражается и показывает себя точнее. чем в другом, он тем самым видит и само своё бессмертие, ведь будь собственное бессмертие для него совсем невидимым, интеллект не смог бы выносить тогда таких суждений. Следовательно, видя невозможность каким бы то ни было рассуждением, как угодно выстроенным и сформулированным, развернуть своё бессмертие так, чтобы нельзя было его развернуть ещё лучше и ещё точнее, интеллект видит себя бессмертного и судит рассуждение на основании видения бессмертия, а не наоборот - бессмертие на основании рассуждения. Если бы даже какое-то рассуждение и доказывало бессмертие, это всё равно оставалось бы неизвестным без соответствующего решения интеллекта, причём интеллект, вынося такое решение, видел бы не только само рассуждение, но и истину, из сообразности с которой по мере обнаружения её в рассуждении он бы и выносил решение об истинности рассуждения. По здоровом размышлении, таким образом, всякому очевидно, что нетленную природу собственной простоты интеллект усматривает не в рассуждении, а в себе самом.

10. Потом рассмотри, что интеллект как способность ни в коей мере не [унаследован] от родителя: будь он от родителя, он бы наследовал ту же природу и свойства, что присущи и другим рождённым этим родителем [людям]. Глаз природой соотнесён с цветом, а ощущение – с предметом; и тогда об интеллекте надо было бы сказать то же самое - что он не свободно относится к волею, запоминанию, пониманию, но принуждаем природой, или что к этому его способен принудить другой человек. Наш опыт, однако, говорит о противоположном: что интеллект свободен любить, или волею, понимать, и проч.

Ещё он не стареет, как стареют ощущения; следовательно он не от смертного и тленного. Мы видим стариков, которым отказали ощущения, но интеллект и мудрость при этом живы.

Ещё в том, что унаследовано им от родителя, человек насыщается и достигает предела: когда-нибудь он не захочет больше ни видеть, ни слышать то, что видит или слышит. Но с пониманием и волей не так - понимаемое он всякий раз захочет понять ещё лучше, а любимое – любить ещё сильнее, и всего мира ему недостаточно, как бывает достаточно ощущению одного предмета, потому что и весь мир не утолит сполна его желания понимать. Интеллекту недостаточно ничего, кроме Бога, от Которого его бытие, и Чей он есть образ, ибо живой образ, мыслящая жизнь не сможет найти покоя ни в себе, ни в чём-либо другом, но только в пробразе как в своём собственном начале, причине и истине.

11. Кроме того, если бы душа была от родителя, то все поступки её были бы естественны и ни в каком поступке не могло бы быть ничего нравственного - ни справедливости, ни благоразумия. Поэтому отец и не рождает собственным благоразумием и сына тоже благоразумным, а сын не благоразумен по природе, но получает от Бога дух, который, сам будучи от бессмертного Отца, способен и к бессмертной добродетели. Будь человек добродетелен по природе, добродетельным был бы тогда всякий человек так же, как всякий человек смешлив. Природа интеллекта духовна и потому нерождаема. Будь она рождаема, она как следствие была бы тогда и разрушаема тоже. Когда из хлеба возникает плоть, вид хлеба разрушается и рождается плоть. Однако вид духовной природы не может разрушиться тем же образом, каким разрушается вид природы телесной, у которого субъект и материя способны принять в себя различные виды.

Кроме того, окончательный и самый мощный довод в пользу того, что разумная душа не от родителя – в том, что цель, ради которой она существует (а именно - понимать и любить Бога и проч.), выше, чем [просто] бытие человеческой формы. Следовательно, интеллект – от Творца.

12. Но как душа, будучи тварной, может быть от сущности Бога? – Решение: Бог, по Авиценне, не действует и не творит посредством чего-то привходящего, поскольку в Нём – простейшем – [привходящего] не бывает. Он действует не как огонь посредством жара, но как жар, жарящий из своей сущности²⁷.

Но Он и не сообщает себя по способу стяжённости, поскольку Он прост, непричащаем и несмешиваем (как невозможно смешаться с грязью солнечному лучу). Бог, следовательно, остаётся абсолютен и творит Своей волей, подобно тому как царь своей волей творит вельмож и неподвижным законом приводит всё в движение. Давая бытие вельможам и правителям²⁸, он своей волей запечатлевает правителей подобием своей державы, делая их причастниками своего державного подобия, при том что державная истина, пребывая у него самого, остаётся непричащаемой. Представь печать, запечатлевшую своё подобие в воске: буквы в воске будут не [происходить] от сущности букв самой печати, [которая с ними] не сообщается, но будут подобиями сущностных букв. Бог запечатлевает подобия Своих смыслов (*rationum*), таким образом сообщаясь с интеллектуальной природой и проч.

Ещё обрати внимание, что в интеллекте подобие бесконечности Бога (и именно Бога как актуальности бесконечной силы) дано в том смысле, что подобие бесконечности есть способность вместить такую силу, точно так же как [дано в интеллекте и] подобие вечности, которая есть актуальность всего сразу²⁹. Тем самым возможность без конца всё яснее и яснее понимать есть подобие вечной мудрости. Выведи отсюда, что такое живой образ, который сам без конца

²⁷ НК трактует по Альберту Великому («На Имена Божии» IV, 9; IV, 24), который в свою очередь ссылается на Авиценну («Метафизика» tr.IX, cap.IV)

²⁸ т.е. бытие вельможи именно как вельможи дано царём

²⁹ вечность как «*tota simul actu*» - см. «О начале» 10 и прим.

сообразует себя Творцу, откуда следует его открытость научению и проч. (о чём говорится в другом месте³⁰).

³⁰ например, CLXVIII, 8; CLXXIII, 5; CCLVI, 11; CCLXXIX, 8